

События, всколыхнувшие поместье Чжу, пока оставались тайной для посторонних глаз, однако весть о том, что Чжу Цзылин покинул стены резиденции князя Ли, мгновенно разлетелась по столице, достигнув многих заинтересованных ушей.

Юй-ван с нетерпением ожидал плодов своей интриги. Он рассчитывал, что гнусные слухи, распространяемые госпожой Ху, окончательно загонят юношу в тупик, и тогда, в момент величайшей слабости, князь явится как спаситель и подчинит его своей воле.

К его досаде, после свадьбы Чжу Цзылин словно в воду канул, не покидая поместья Ли-вана, что делало невозможным наблюдение за его реакцией.

Жун Сюй даже подумывал задействовать своих людей, внедрённых в дом Жун Чжао, чтобы те «случайно» донесли сплетни до ушей Ванфэй. Однако по непонятной причине связь с агентами прервалась. Шпионы, на внедрение которых были потрачены годы и баснословные суммы, внезапно исчезли. Пути были отрезаны, а поместье князя Ли превратилось в неприступную крепость, окутанную молчанием.

И вот, когда надежда почти угасла, пришла весть: Чжу Цзылин наконец вышел в город. Юй-ван понял — это его шанс.

Разумеется, за воротами Ли-вана следили, но шпионам не позволялось приближаться к внутренним покоям, поэтому донесение запоздало. К тому времени как новости достигли адресата, Цзылин уже вернулся домой.

Будь дозорные расторопнее, можно было бы подослать к Ванфэй людей, которые в лицо высказали бы ему все столичные гадости, и посмотреть на его страдание.

С трудом подавив досаду, Юй-ван обратился к соглядатаю:

— Выяснили, зачем Ванфэй покидал поместье? Заметили что-нибудь необычное в его поведении?

Он втайне надеялся услышать об измождённом виде и заплаканных глазах — это означало бы, что яд госпожи Ху подействовал. Даже если дело было не в слухах, любая тень печали на лице юноши сулила успех планам князя.

Увы, доклад подчинённого разочаровал господина.

— Мы расспросили тех, кто видел Ванфэй на улице. Судя по всему, он намерен открыть собственную лавку с едой и выходил осмотреть здание...

— Это Шанъюньцзюй на улице Наньхуа, то самое заведение, которое Ли-ван недавно прибрал к рукам.

— Что же касается самого Ванфэй... — лазутчик замялся, но решился договорить правду: — Похоже, у него всё в порядке. Очевидцы в один голос твердят, что он вовсе не похож на того «демона-едока» из сплетен. Напротив, его описывают как прекрасного небожителя, чьё изящество поражает воображение.

— Что?! — Юй-ван гневно нахмурился. — Ты уверен в своих словах?

— Вполне... — подчинённый смущённо кашлянул. — Люди на улице рассыпаются в похвалах. Говорят, что Ванфэй вовсе не страшен, напротив — он само воплощение чистоты и благородства. А пугали прохожих лишь угрюмые стражники князя Ли, которых он взял с собой целую толпу.

Помолчав, лазутчик добавил:

— Ваше Высочество, раз об этом говорят столь многие, вряд ли это ложь. Неужели в поместье Ли-вана к нему действительно относятся хорошо? Князь отдал ему такое роскошное здание под лавку, выделил столько охраны... Быть может... Жун Чжао действительно привязался к своему мужу?

— Исключено! — Юй-ван резко оборвал его, не желая даже допускать подобной мысли. — Четвёртый брат одинаково презирает и мужчин, и женщин. С чего бы ему внезапно увлекаться супругом, который может быть лишь обузой? Тем более тем, кого ему навязал отец.

— Забыли, как совсем недавно Жун Чжао бесцеремонно захватил приданое Ванфэй? Нет, то, что вы видели сегодня — лишь искусная ширма.

Морщины на лбу князя разгладились, уступая место самодовольной ухмылке. Его ум, казалось, мгновенно нашёл «истинное» объяснение.

— Именно! Жун Чжао просто замечает следы. Слухи о захваченном имуществе слишком дурно пахли, вот он и решил разыграть этот спектакль с «собственным делом для Ванфэй». На бумаге Обитель над облаками будет принадлежать Цзылину, но на деле четвёртый брат не выпустит её из рук!

— Несчастному Цзылину просто велели играть свою роль. Теперь понятно, зачем там было столько стражников... Это не охрана, это конвой! Они следят за каждым его шагом и угрожают расправой, если он отступит от сценария.

Юй-ван был в восторге от собственной проницательности.

— Мой брат вывел Цзылина на прогулку, предварительно нарядив его, как куклу. Юноша полностью во власти Ли-вана и вынужден повиноваться. Жаль, что у простого люда не хватает ума заглянуть за фасад... Небожитель, надо же придумать!

Князь коротко рассмеялся. В его глазах и Чжу Цзылин, и восторженные горожане были лишь жалкими пешками в чужой игре. Его аргументы звучали столь убедительно, что советники и подчинённые поспешили выразить восхищение.

— Ваше Высочество зрит в самый корень...

— Ли-ван раньше действовал грубо, а теперь, глядите-ка, взялся за хитроумные уловки!

— Да и исчезновение наших шпионов теперь ложится в общую картину. Уж не готовит ли он нечто масштабное?

Юй-ван не стал тратить время на пустые догадки.

— Гадать бессмысленно. Чтобы узнать правду, нам нужен информатор, вхожий в ближний круг Жун Чжао. И Чжу Цзылин — наш идеальный ключ! Будучи жертвой угроз и принуждения со стороны мужа, он наверняка ненавидит его всей душой. Стоит лишь найти момент, чтобы переманить его на свою сторону, и он станет нашим лучшим инструментом, — с торжеством провозгласил он. — Он Ванфэй, дарованный самим Императором. Жун Чжао не сможет избавиться от него так же легко, как от простых слуг. При правильном подходе этот союз принесёт нам великую пользу!

Советники согласно закивали.

— План блестящий, Ваше Высочество! Но... как нам подобраться к нему? Ли-ван держит его взаперти, а на редких прогулках он окружён армией стражей.

Один из приближённых подал голос:

— Господин... разве через несколько дней не начнётся Чуньле?

— Обязательно! Ли-ван не сможет оставить супруга дома, а правила охоты не позволят ему взять с собой слишком много личных охранников.

Глаза Юй-вана вспыхнули:

— Верно! Весенняя охота — это идеальный момент!

Чуньле было событием государственной важности, призванным не только развлечь знать, но и продемонстрировать мощь империи и вознести молитвы о мире на границах. Принцы, вельможи и их семьи — все обязаны были присутствовать. Супруги принцев могли пропустить охоту лишь по причине тяжелого недуга. Цзылин, будучи мужчиной, просто не имел права на отказ.

Организацией занимались Министерства ритуалов и обороны, а за безопасность отвечал командующий столичным гарнизоном. Жун Чжао не имел там власти и, разумеется, не мог привести с собой легион стражи ради безопасности Императора. Чжу Цзылин не сможет вечно прятаться за спиной мужа.

— Это редкий шанс, — Юй-ван довольно прищурился. — Нужно подготовиться как следует.

Пока Юй-ван строил козни, в поместье князя Ли старый евнух Ван Сянхэ тоже вспомнил о предстоящем событии и поспешил к Жун Чжао.

— О какой подготовке речь? — холодно осведомился князь. — Обычная охота. Подготовьте всё, как в прошлые годы.

— Как же «как обычно»? — Ван Сянхэ всплеснул руками, глядя на господина с неммым укором. — В этом году вы едете не один! С вами будет Ванфэй! Он едет впервые, и забот предстоит немало. Нужно продумать каждую мелочь!

Жун Чжао замер. Осознав, что совершенно упустил этот факт из виду, он помолчал и нехотя кивнул:

— Что ж, полагаюсь на вас, евнух. Выберите всё самое лучшее, берите вещей с запасом.

— Слушаюсь! — Ван Сянхэ радостно поклонился, но тут же замялся. — Господин... Ванфэй будет дожидаться вас в лагере вместе с супругой Цзинь-вана или же он решит сопровождать вас в лесу? Нужно ли готовить для него лошадь и лук?

Жун Чжао помедлил.

— Даже если он не соберётся охотиться, наличие снаряжения лишним не будет.

Ван Сянхэ понимающе улыбнулся:

— Я всё понял, старый слуга немедленно займётся подготовкой!

Чжу Цзылин тем временем был полностью поглощён планом своего будущего гастрономического рая. Когда концепция в голове окончательно сложилась, он решил перенести её на бумагу, вспомнив яркие и понятные схемы торговых центров из своего прошлого.

Однако, едва коснувшись листа кистью, Цзылин осознал жестокую реальность: его творение имело мало общего с аккуратными чертежами. Простые линии под его рукой превращались в изломанные каракули, больше напоминающие хаотичные художества безумца. Никто в здравом уме не узнал бы в этом нагромождении чернильных пятен план магазина.

Чжоу Шэн, заглянув через плечо, с любопытством спросил:

— Молодой господин, что это вы изобразили? Уж не паутину ли какого-то заморского паука? Странная она, совсем не такая, как у наших пауков в Великой Ци... Вся вкривь и вкось... А её тоже можно есть?

Чжоу Шэн выглядел так, словно готовился к новому гастрономическому откровению. Цзылин замер с кистью в руке.

— Кто сказал, что это паутина? И даже если бы это была она, с чего ты взял, что паутину едят?!

— Ой, — Чжоу Шэн растерянно заморгал. — Я думал, раз вы это рисуете, значит, это какой-то особенный заморский вид. Ну, как тутовые шелкопряды. Если это не паутина, то что же?

Цзылин сохранил на лице маску предельной серьезности. Сделав вид, что не расслышал вопроса, он спрятал рисунок и проворчал себе под нос:

— Эх, был бы у меня сейчас хоть какой-нибудь карандаш...

Его таланты художника оставляли желать лучшего, но для простой схемы не нужно быть мастером. Проблема была в самом инструменте: мягкий ворс кисти не позволял провести чёткую прямую линию, а измерительных приборов под рукой не оказалось. Вот его план и превратился в «паутину»! Будь у него карандаш и линейка, результат был бы иным!

Цзылин и раньше подумывал о карандашах, но, поскольку к еде они отношения не имели, он откладывал эту мысль. Он не хотел беспокоить Жун Чжао просьбами о вещах, которые не приносят мгновенной пользы его желудку.

Однако теперь он решил, что всё же стоит поговорить с мужем. В конце концов, Гастрономический город — дело важное. Проблема заключалась в том, что в производстве канцелярии он разбирался куда хуже, чем в кулинарии. Благодаря прочитанным книгам, он мог в деталях описать форму, вкус и условия выращивания заморских плодов, но о карандаше

знал лишь то, что для него нужна графитовая руда. И помнил лишь общие черты её свойств.

Как добывать эту руду и как превратить её в грифель — для него оставалось загадкой. Записав всё, что удалось выудить из памяти, Цзылин вдруг усомнился: не слишком ли многого он требует?

Порой казалось, что отправить экспедицию на край света за картофелем — задача более простая и логичная. Там награда была очевидна, и Жун Чжао получил бы огромную выгоду от новых культур. А здесь... Его записи были слишком расплывчаты. Чтобы создать карандаш, пришлось бы потратить немало времени и сил, проводя бесконечные опыты. Да и польза от этого инструмента казалась сомнительной.

Цзылин замер, чувствуя уколы совести. Внезапно в его голове вспыхнула тревожная мысль:

«Да что со мной такое?!»

«Разве я не должен быть бесстрастным механизмом по выдвижению требований?»

«Я ведь только притворялся, что забочусь о его чувствах, чтобы усыпить бдительность... Неужели я сам поверил в собственную ложь?!»

Цзылин встряхнул головой, отгоняя наваждение. Решив, что дает слабину, он схватил свои обрывочные записи и решительно направился к Жун Чжао.

Князь, привыкший, что супруг приносит списки продуктов, при виде странных чертежей снова мысленно вздохнул, оценив «мастерство» юноши. Посмотреть на это — и аппетит пропадёт. Однако, к его удивлению, на этот раз речь шла о вещах несъедобных.

— Графитовая... руда? — Жун Чжао слегка нахмурился. — Ты хочешь сказать, что этот минерал можно использовать вместо туши?

— Не вместо туши, из него можно сделать сам инструмент — карандаш. Такая вещь невероятно удобна! Писать можно сразу, не обмакивая кисть, и рука совсем не устает. А для чертежей и рисунков это просто незаменимо! Вот увидите, с таким инструментом мои картины станут в сто раз лучше!

Жун Чжао хранил молчание, обдумывая услышанное. Цзылин вкратце описал технологию, насколько мог её вспомнить. В сущности, карандаш не был верхом инженерной мысли, но отсутствие точных пропорций смеси и температуры обжига означало, что мастерам придётся долго искать истину методом проб и ошибок.

Князь не спешил давать обещаний. Он перечитал записи, и его взгляд стал задумчивым. Он привык к кисти, она не казалась ему неудобной, и восторги Цзылина по поводу «легкости

письма» были ему непонятны. Поиск и разработка рудника — дело хлопотное и затратное. А этот графит, похоже, ни на что иное не годен. Тратить столько ресурсов ради сомнительной палочки для письма казалось верхом нерациональности.

Но Ванфэй сказал, что это поможет ему рисовать... Жун Чжао поднял глаза на юношу.

— Ванфэй так сильно желает этот карандаш?

Цзылин хотел было кивнуть, но запнулся. Поколебавшись, он произнёс:

— На самом деле... не так уж и сильно...

«Ладно, — подумал он. — Ради долгосрочного процветания своего источника пропитания лучше не давить слишком сильно. Пусть сам решает».

— Пусть Ванье поступит так, как сочтёт нужным. Это не к спеху. Если сейчас нет свободных людей, то поиски заморских семян куда важнее.

Жун Чжао был искренне удивлён. Обычно Чжу Цзылин вцеплялся в свои желания мёртвой хваткой и не отступал, пока не получал своего. Впервые он проявил подобную уступчивость. Было ли это истинным равнодушием или же он просто не хотел обременять мужа?

Лицо князя помрачнело. Странно, ведь совсем недавно он только и мечтал о том, чтобы укротить своенравие супруга, но теперь мысль о том, что юноша скрывает свои истинные желания, вызвала у него глухое раздражение.

— Я услышал тебя, — холодно отозвался Жун Чжао.

«Раз у границ с Северными Ди затишье, пусть люди в тех краях займутся поисками этой руды в свободное время».

Сменив тему, князь упомянул то, о чём говорил Ван Сяньхэ:

— Через несколько дней мы отправимся на весеннюю охоту в императорские угодья. Ванфэй нужно подготовиться.

— А? — Цзылин замер. — Весенняя охота?

Он совершенно забыл об этом обычае. В прошлом Чжу Жуйхун иногда брал семью на подобные мероприятия, но Цзылина всегда оставляли дома. Лишь в той жизни, где он стал Ванфэй Синьди, ему довелось пару раз побывать на торжественных приемах. Слова Жун Чжао застали

его врасплох.

— О... я тоже должен ехать?

Лицо Жун Чжао потемнело ещё на тон.

— Ванфэй не желает сопровождать своего князя?

Охота продлится несколько дней, и он обязан там быть. Неужели Цзылин планировал всё это время провести в поместье в одиночестве? А как же его клятвы следовать за мужем хоть на край света?

— А? Нет-нет... — Цзылин почувствовал, что под пристальным взглядом мужа его мысли путаются. Он поспешно взял себя в руки.

Сама охота его мало прельщала, но если Жун Чжао уедет, то Цзылин лишится доступа к его ауре и изысканным обедам, довольствуясь лишь своей долей. Но если поехать вместе, можно попробовать дичь и отведать блюда императорских поваров, ведь Император Юнсюань тоже будет там.

Взвесив все за и против, Цзылин мгновенно преобразился, напустив на себя вид преданности:

— Как я могу не хотеть! Куда Ванье, туда и я! Я просто не знал правил, думал, что мне не положено. Раз можно — то это просто чудесно!

Он уставился на Жун Чжао своими огромными чистыми глазами:

— Только не смейте меня бросать!

Князь на мгновение отвел взгляд.

— По обычаю, присутствие Ванфэй обязательно. Раз едешь — готовься.

Цзылин, понимая, что едва не совершил оплошность, активно закивал:

— Да-да, я всё соберу! Нужно взять побольше зиры и перца, и велю поварам наготовить побольше острого соуса в дорогу!

— Ванье! — Жун Чжао с почерневшим лицом остановил юношу, который уже был готов сорваться в сторону кухни.

Цзылин обернулся с видом полнейшего неведения:

— А?

Разве для шашлыков на природе нужно что-то ещё? Встретившись с его ясным, невинным взглядом, Жун Чжао почувствовал, как гнев утихает. Он смягчил тон:

— Я имел в виду другое. Хочешь ли ты, чтобы я подготовил для тебя коня и лук?

— Я тоже буду охотиться? — удивился Цзылин.

Он-то рассчитывал на роль праздного едока, а тут, оказывается, нужно самому добывать пропитание?

— Если Ванфэй пожелает испытать свои силы, я не стану возражать, — бесстрастно ответил Жун Чжао.

— На самом деле... я не очень-то и хочу... — начал было Цзылин, стараясь быть вежливым.

Но Жун Чжао, решив, что тот просто скромничает, перебил его:

— Отправляйся на мои конюшни и выбери себе скакуна. Лук возьмёшь в сокровищнице. То, что выберешь — станет твоим.

— Ну... хорошо.

«В конце концов, дареному коню в зубы не смотрят», — подумал Цзылин.

Он отправился на конюшни князя Ли. Как прославленный полководец, Жун Чжао знал толк в лошадях. Его конюшни были полны редких породистых скакунов, каждый из которых стоил целое состояние. Любой мужчина счёл бы это место райским уголком.

Однако Цзылин остался равнодушен. Езда верхом была для него слишком утомительной, он предпочитал карету — там можно было спокойно перекусить в дороге. Ван Сяньхэ, не заметив его прохладцы, увлечённо расписывал достоинства подопечных:

— Посмотрите, Ванфэй, здесь собраны лучшие скакуны господина. Настоящие сокровища, обученные и верные. Любой из них стоит не меньше десяти тысяч лянов, если выставить на торги. Что вам больше по душе?

Цзылин окинул взглядом стойла. Животные и впрямь были великолепны: мощные мышцы,

горделивая осанка, гладкая шерсть. Но первая мысль, возникшая в его голове при взгляде на них, была вовсе не о скорости бега, а о том, что мясо у таких тренированных скакунов должно быть невероятно нежным и упругим...

Руководствуясь этими «критериями качества», Цзылин вскоре заметил статного белого коня в отдельном просторном стойле.

— Этот хорош! — его глаза блеснули, и он направился к нему.

— Ванфэй сделал выбор? — Ван Сяньхэ сначала обрадовался, но, осознав, к кому подошёл юноша, застыл. Мгновение спустя он бросился наперерез, пытаясь его остановить. — Стой... Стойте, Ванфэй! Люэин очень дикий, не подходите так близко!

Но предостережение запоздало. Цзылин уже стоял перед белоснежным красавцем. Жеребец был ослепителен — даже для коня он казался невероятно красивым. Умные глаза, шелковистая грива, безупречные пропорции и длинные, точёные ноги. Было ясно, что он оставит далеко позади любого соперника.

Однако Цзылин не обратил внимания на красоту. Его взгляд профессионального едока скользил по лопаткам, крупу и бедрам жеребца. Чем больше он смотрел, тем больше убеждался: тот был бы восхитителен на вкус.

Словно почувствовав зловещий интерес, Люэин беспокойно переступил с ноги на ногу и недружелюбно фыркнул. Ван Сяньхэ наконец добежал до них, тяжело дыша.

— Ванфэй, отойдите! Люэин — личный скакун князя! У него скверный нрав, он то и дело норовит кого-нибудь лягнуть. Он признаёт только господина, берегитесь!

— А? — Цзылин моргнул. — Это лошадь Ванье?

Пропустив мимо ушей слова об опасности, он снова посмотрел на Люэина и прошептал:

— Неудивительно, что ты выглядишь аппетитнее остальных. Видно, Жун Чжао всё лучшее забрал себе.

«Если бы он узнал, что я оцениваю его жеребца как деликатес, мне бы несдобровать... Хотя он и впрямь кажется очень сочным...»

Цзылин облизнулся и тихо произнес:

— Я просто подумал, я не собираюсь тебя есть, честное слово...

Не успел он договорить, как жеребец Люэин внезапно сорвался с места и бросился на него. То ли ему не понравилось столь тесное присутствие незнакомца, то ли он действительно почувал в его словах угрозу. Глаза Ван Сяньхэ расширились от ужаса.

— Ванфэй, берегитесь!

Но крик был напрасен. Личный скакун Жун Чжао одним ударом копыта разнёс в щепки ограждение стойла и, не встречая преград, понёсся прямо на Чжу Цзылина! Ван Сяньхэ зажмурился, ожидая, что юношу сейчас раздавят, как ту преграду.

«Конец!» — в его голове билась лишь одна отчаянная мысль.

<http://bllate.org/book/15829/1440137>